

НАДОЕЛО РИСОВАТЬ ПТИЦ

Надоело рисовать птиц,
мы решили рисовать крыс,
чтоб возвышенность сошла с лиц,
чтобы очи опустить вниз.

Потому жизнь всегда внизу
наподобье световой тропы,
освещающей сапог кирзу
и пробившие асфальт грибы.

Поколения больных детей
смотрят в спину, презирая нас
за отсутствие больших идей,
за возможность отдавать приказ.

Я не жалеюсь, но я боюсь
обернуться и увидеть в них
запакованный в предсердье груз,
что от взгляда моего возник.

Век прошел, но наступил век,
где неузнанным ты стал сам,
обучающий троих калек
незатейливым чудесам.

РЕВОЛЮЦИЯ

Гимназисты не знают пощады,
если в руки попал револьвер.
Ловко целят в казачьи отряды
и кричат на особый манер.

И девицы, бросаясь на сабли,
нарываюся на комплимент,
отряхнувши кровавые капли
с белоснежных шифоновых лент.

Пусть портретами графа Толстого
украшается мир над толпой,
мы привыкли любить молодого
и брести за ним верной тропой.

Молодого, с гишпанской бородкой
и в подвернутых снизу штанах:
голосящего сдобною глоткой
на высоких и низких тонах.

Он поет о возмездии скором
и как парусник рвется на свет,
хоть его диверсантом и вором
называют в колонках газет.

Красный флаг как колумбовый парус
унесет громадье баррикад
за моря, где и я не состарюсь,
а состарюсь – то стану богат.

Остуди мое тело под шубой
лютым ветром и градом свинца.
И я стану не нежный, а грубый:
с отвердевшим овалом лица.

МНЕ В НЕЗНАКОМОМ ДОМЕ НЕ СПАЛОСЬ

Мне в незнакомом доме не спалось,
что-то забылось, что-то не срослось,
но я был рад, что очевидно выжил.
И ставни колотились вкривь и вкось.
И я к воде неосторожно вышел.

И сделалась такую рябь воды,
что я увидел быстрые следы,
спешащие куда-то к горизонту.
И близостью к арктическому фронту
не дорожили хрупкие сады.

И солнца неживое существо
для жизни оставляло меньшинство
и не сулило к празднику подарка.
И с горечью смотрели на него
рябина да подгнившая боярка.

НОЧЬ В ДЕТСКОЙ КОМНАТЕ

Уйдет жена, и вы ее не вспомните.
И ночь уйдет. И польхнет рассвет.
И вы уснете пьяным в детской комнате,
где нет детей, и никого там нет.
Вы книги в ниши длинные расставите,
вбивая переплетом переплет,
и ни любви не будет в вас, ни памяти,
а только перелет и недолет.
Нет нужных книг. Все книги наши лишние,
они еще бессмысленней гостей,
что угощают пирогами с вишнями.
И шелкают прикусом челюстей.
И будут куклы с теплой укоризною
смотреть на вас и улыбаться вам,
сверяя с прежней жизнью закулисною
приверженность к трагическим словам.
И лампы на глаза мои закатятся,
и ляжет мне на тело потолок.
И я на ногу ситцевое платье
примерю, как казарменный сапог.

КОЛОКОЛЬЧИК

Колокольчик с соломенным языком,
не звенеть ему больше, а лишь шептать.
На колени не встать, не упасть ничком.
Не называть ни отца, ни мать.

Голубые глаза выглянут из тьмы,
раны рваные или прострелы пуль.
Я беру себе эту любовь взаимы,
если вечен теперь на земле июль.

Колокольчик с соломенным языком
шепчет клятвы, которых никто не знал.
Если был ты знаком мне, то незнаком,
если вычеркнут временем наповал.

РАЙ

Нельзя приехать к другу,
сказать «не умирай».
Планеты мчат по кругу,
и неподвижен рай.

Твой друг тебя услышит –
сегодня не умрет,
губу в ответ облизает
и приоткрывает рот.

Под каменную люстру
над бедной головой
он испытывает чувство,
что в дом вошел конвой.

И он услышит вьюгу
и скрипнувший сарай.
Мы вытерпим разлуку
и беспредельный рай.

Пустынно там, как в доме.
И я стою сейчас
в кубическом объеме,
где свет давно погас.

БЕККЕТ

Город – административная единица.
Это знают Иван и его девица.
Это знает Василий, чья хата с краю.
Только я, дурачок, ничего не знаю.

Я в жилом помещении не обучен
обитать. Я привык к квартире.
Мой подход к мирозданию ненаучен:
ничего не жарю на комбижире.

Для супруги я чокнутый марсианин,
понимающий только свисток и выстрел,
ибо слух мой воистину филигранен,
только глаз от печали погас и выцвел.

Я владею динамикой оскуденья.
Что мне беккет, когда я и сам как беккет.
Я лохов развожу на ночное бденье,
непонятный, но очень изящный рэкет.

Деградирую вместе с культурой жанра,
приравняв красноречие к пустословью,
если вижу пожар, то бегу пожара,
а увижу любовь, то займусь любовью.

Мы вернемся всецело в одну утробу,
наш диагноз торжественно подтвердился:
кто несмело подходит к чужому гробу,
в свой ложится, как будто бы в нем родился.